

Памяти Татьяны Фокеевны Ивановой

Её дорога к храму

В жгучие рождественские дни 1999 года в Бичуре, при большом стечении народа и высоких званых гостей была, наконец, открыта старообрядческая церковь. Распечатали алтарь храма Покрова Пресвятой Богородицы, заняли своё место иконы и богослужебные книги, десятилетиями бережно хранимые в домах бичурян. В первый раз затеплились здесь свечи и вознеслись молитвы. Высокие слова говорились о тех, кто внёс свой вклад в возрождение храма. Отдавая дань хранящим чистоту веры, помыслов и нравов, отмечали роль церкви в смутное время безверия, разгула греха и зла. Не один раз слова благодарности адресовались маленькой согбенной старушке, стоящей даже не в первых рядах – Татьяне Фокеевне Ивановой.

Всё это вспомнилось 16-го марта этого года, когда я пришла в церковь, наивно полагая, что именно здесь должны отпевать и отсюда провожать на вечный покой Татьяну Фокеевну. Так, на мой взгляд, оно должно было быть по определению. Кому неизвестно, что во многом её заботами, молитвами, жертвенностью и вознеслась церковь в Бичуре.

Не хочу передавать свои чувства, когда я не увидела здесь ни машин, ни людей, а при горящих свечах в церкви – звенящая пустота...

Я любила ходить в дом к Татьяне Фокеевне. Она – одна из немногих, кто помнила меня ребёнком, потом школьницей, студенткой. В войну какое-то время мы жили через дом от Татьяны Фокеевны. А через дорогу жила её сестра Вера Фокеевна, мать моего одноклассника Гриши Павлова. Она запомнилась мне немислимо худенькой, с хворостинкой в руке и в резиновых сапогах на босу ногу, прогоняющей по утрам корову в стадо.

Кажется, Татьяна Фокеевна (я называла её тётя Таня) любила разговаривать со мной, потому что я знала многих людей из её окружения. Большинство из них давно

«унесённые ветром». Приводила своих учеников, чтобы они послушали рассказы «про старину», о том, как раньше жили, какой была Бичура почти век назад. Света Варфоломеева и Настя Афанасьева узнали многое о семейском ткачестве, в том числе, поясов, и успешно выступали на научных конференциях.

Об истории бичурских церквей Татьяна Фокеевна рассказывала, когда Алёша Брызгалов готовил одноимённую работу. Ребята оформили в музее карту-схему расположения часовен и церквей на улицах Бичуры до 30-х годов XX века с указанием дат их возведения. Такую же карту-схему я преподнесла церкви в день её открытия. Татьяна Фокеевна показывала моим ученикам, как льют свечи, и подарила музею «лейку» – форму для изготовления восковых свечей.

Не забыть день, когда две сестры Ефросинья и Татьяна Фокеевны поведали печальную историю военных лет. Муж Ефросиньи Фокеевны, сам того не желая (такое случалось на войне), оказался дезертиром. Что только ни пережила семья Кирилла Мироновича Петрова и сам он! После той встречи я два года разыскивала людей, кто мог знать о судьбах тех, кто, как Андрей Гуськов из повести Распутина «Живи и помни», оказался на хрупкой и смертельно опасной грани дезертирства.

Всё это вылилось в статью «Феномен дезертирства» и научную работу Эльмиры Гасановой, ставшую с этой темой лауреатом научных конференций в Улан-Удэ, Новосибирске и Москве. А куда бы я повела приехавшего из США старообрядца Макара Афанасьевича Зинюхина, как не к Татьяне Фокеевне?

Надо было видеть, как они беседовали! Было такое впечатление, что они живут через дорогу друг от друга, но не виделись несколько дней и теперь вот обмениваются новостями. Татьяна Фокеевна всё спрашивала, как там с верой, не отрекается ли молодёжь, строятся ли церкви, носят ли сарафаны? Заморский гость с неменьшим интересом на чистейшем русском языке спрашивал собеседницу о духовных делах в Бичуре. Сожалею, что не осталось фотографий об этой встрече.

В наших неспешных беседах рассказывала Татьяна Фокеевна о родителях, о батеньке и матушке. Родилась она в многодетной семье, где было три брата и четыре сестры. Всем сестрам – Марье, Вере, Ефросинье и самой Татьяне Фокеевне Бог даровал долгую жизнь. Сегодня здравствует лишь 97-летняя Ефросинья Фокеевна, которая живя у дочери, стойчески переносит обрушившуюся на неё беду – перелом шейки бедра. Весь род Ивановых был истинно верующий, трудолюбивый, надеющийся на свои силы. Пришёл час, и проводили родители своих сынов на войну. До последнего дня горевала Татьяна Фокеевна, что не вернулись братья Никита и Егор.

Она помнила лишь, что две «похоронки» пришли в один год. Когда я однажды принесла Книгу Памяти, где увековечены имена братьев, она долго вглядывалась в строчки Книги и заплакала, увидев знакомые имена: «Иванов Егор Фокеевич, 1890 года рождения, рядовой, колхозник, призван в 1942 году, погиб в бою 12 ноября 1942 года. Похоронен в Ленинградской области». «Иванов Никита Фокеевич, 1904 года рождения, призван в 1941 году, рядовой, пропал без вести в марте 1942 года». Радовалась, что вернулся с войны младшенький, Трофим, но тяжелая болезнь унесла и его.

Женская судьба не одарила её долгим счастьем. Был муж и родился ребёнок, девочка. Только умерла она во младенчестве, а саму Татьяну, тогда совсем

молодую, свалила тяжелая болезнь. Тогда и ушел от неё муж. Казалось, не за что уцепиться в этой жизни. Но в то безбожное время мать подарила дочери икону, как надежду на спасение. Вот тогда Татьяна Фокеевна и вознесла молитву: если Господь поможет ей избавиться от болезни, она будет служить каноны всю жизнь.

И свою клятву исполнила. Как светского человека её помнят далеко не все. В недалекое время жизнь Татьяны Фокеевны была обыкновенной жизнью простого человека. Работала в колхозе, а в войну, когда Бичурский промкомбинат стал стратегическим предприятием, попала сюда по мобилизации. Промкомбинат изготавливал лыжи для фронта, здесь шили офицерские сапоги и военную форму. Один из детей войны вспоминал, как он, 10-летний мальчик, пришивал (в помощь матери) пуговицы к гимнастёркам и кителям. В комбинате вручную валяли валенки, попоны для лошадей кавалерийских частей. Открыли кожевенный цех. Здесь и трудилась Татьяна Фокеевна. С ней был племянник Лёня, Леонид Яковлевич и двое мальчишек сирот. Работа была очень трудная. Всё вручную, от кислоты ли от чего-то другого с рук слезила не только кожа, но и ногти. Запах – невыносимый.

Только после войны она вернулась в колхоз, недолго проработала в детском саду. В её доме всегда был народ, она и чаем напоит, и словом утешит, и на путь истинный наставит. Одно время в доме была «заежка» городских автобусов, а потом, после закрытия единственного в Бичуре молельного дома, она открыла свой дом для верующих. 14 лет он был домом Веры и Спасения. Самой ей давали силы, терпение и надежду святые иконы, окружавшие её.

Кто только ни побывал в этом доме, и владыки, и церковнослужители разных рангов из Улан-Удэ, Москвы. Гости из зарубежья потом писали ей письма, даже слали денежки. Русская женщина Татьяна Ясанская из Чехословакии прислала 100 долларов на церковь. Со строительства церкви начался для неё, наверное, самый трудный, но и обнадеживающий период жизни. Вспомнилось, что 10 лет назад ответила мне Татьяна Фокеевна, когда я допытывалась у нее, почему она отдала свою землю под церковь: «Вера без дела мёртвая». И сказано это было просто и убежденно. Всей своей жизнью она подтвердила это. Что скрывать, нелегко ей, крестьянке, далось решение отдать место под церковь. Земля, огород кормили её. Но, узнав, что строительство храма предполагается на месте бывшего исполкома и музыкальной школы, она решилась. Ибо понимала, что жители центровских благоустройек лишатся своих грядок. Так она стала «принимающей стороной» для всех, кто имел интерес к старообрядчеству и древлеправославной вере, стала стряпухой для строителей, хранительницей старопечатных книг, и ... утешительницей для всех, кто к ней обращался. Да, забыла сказать. Мне не раз приходилось препровождать к Татьяне Фокеевне ученых разных степеней, студентов, просто путешественников. И при встрече с ней было такое ощущение, что вот только этого человека или этих людей она сейчас и ждала.

Были у неё и огорчения, но сердца на людей она не имела. Её и обворовывали, и по осени от гряд мало что оставалось. Фирс Болонев как-то с болью сказал:

«Печально то, что в наше непростое время русские, в том числе и семейские, с потерей нравственных ориентиров утрачивают и национальное самосознание.

Вместо консолидации, национального единения видим распри, расколы и узкогрупповые драчки». Не миновало всё это и церковь Покрова. В последние годы

жизнь Татьяны Фокеевны отравляла такая напасть, как разлад с отцом Георгием. Хорошо, что тёплой стеной стояли вокруг нее прихожане, ближняя и дальняя родня. Её навещали и помогали племянник Михаил Никитович и его жена Надежда Григорьевна Ивановы, племянницы, дочери сестры Марии Фокеевны Люба, Марина, Таня, Полина. В прежние годы рядом была Анна Михайловна Тимофеева. Не один раз я встречала в её доме Евдокию Нестеровну Григорьеву, которая приходила не с пустыми руками, Мишу Перельгина. Всех назвать сложно.

В самое тяжёлое время, почти немощную, тётю Таню увезла в свой дом племянница Александра Трофимовна Афанасьева, ухаживала за ней, как за родной матерью.

Татьяна Фокеевна очень хотела умереть в своём доме, но это оказалось невозможным. В свой смертный час она была не одна. Я видела, как накануне похорон, с любовью, со знанием дела внучатые племянники готовили ей домовину, как она потом покоилась в ней светлая, чистая, отрешенная от сует житейского мира. Жаль только – за гробом шла жиденькая толпа провожающих. Позже от многих людей слышала: «Как жаль, а я не знала (или не знал)».

24 апреля – 40 дней Татьяне Фокеевне. Таким «совпадением», как упокоение и сорокадневные поминки в день Святой Пасхи, судьба одаряет не каждого.

Вечная ей память и царствие небесное, в которое она свято верила.

**Нелли Коробенкова,
наш внеш. корр.
Фото Дмитрия Андропова.**